

DOI: 10.21779/2077-8155-2019-10-3-8-19

УДК 101.8:31(297.1)

Содержание статьи

Информация о статье

*Z.M. Abdulagatov*<sup>1</sup>

К постановке вопроса  
Массовое религиозное сознание  
«Народный» ислам  
Философский метод восхождения от  
абстрактного к конкретному в  
контексте анализа проблем  
экстремизма  
Заключение

Поступила в редакцию: 14.07.2019.  
Передана на рецензию: 21.07.2019.  
Получена рецензия: 22.08.2019.  
Принята в номер: 30.08.2019.

### О некоторых вопросах роли философской методологии в социологических исследованиях состояния религиозности населения

*Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН; zaid48@mail.ru*

Исследование посвящено проблемам социологического анализа состояния религиозности населения. Одна из проблем состоит в том, что в подобных исследованиях недостаточно или даже совсем не используется философская методология. В тексте уделено внимание «народному» исламу и массовому религиозному сознанию, имеющему философское содержание. Сделана попытка привлечь внимание социологов к специфичности массового сознания. Автор делится своим опытом использования философского метода восхождения от абстрактного к конкретному в практике социологических исследований состояния религиозности в РД, Чеченской Республике, Кабардино-Балкарии. Сделан вывод, что применение метода восхождения от абстрактного к конкретному необходимо для более полного и системного исследования характеристик религиозности, в частности показателей экстремальности исламского сознания. Автор считает, что отсутствие общепринятых критериев религиозности приводит к различным оценкам роли религиозного фактора в современном российском обществе. Это связано и с не критическим отношением к позитивизму в социологии.

Ключевые слова: *философия, социология, массовое религиозное сознание, «народный» ислам, восхождение от абстрактного к конкретному, «фундаментализм», «модернизм», экстремальность сознания.*

---

DOI: 10.21779/2077-8155-2019-10-3-8-19

UDC 101.8:31(297.1)

Content of the article

Information about the article

*Z.M. Abdulagatov*<sup>2</sup>

To the formulation of the question.  
Mass religious consciousness.  
“People’s” Islam.  
The philosophical method of ascent  
from the abstract to the concrete in

Received: 14.07.2019.  
Submitted for review: 21.07.2019  
Review received: 22.08.2019.  
Accepted for publication: 30.08.2019.

---

<sup>1</sup> *Zaid Magomedovich Abdulagatov* – заведующий отделом социологии Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, доцент, кандидат философских наук.

<sup>2</sup> *Zaid Magomedovich Abdulagatov* – Head of the Sociology Department at the Institute of History, Archaeology and Ethnography of Dagestan Research Center, Associate Professor, PhD.

the context of the analysis of the  
problems of extremism.  
Conclusion.

## **On the Role of Philosophical Methodology in the Sociological Research of Religious Commitment of the Population**

*Institute of History, Archeology and Ethnography at Dagestan Research Center, RAS;  
[zaid48@mail.ru](mailto:zaid48@mail.ru)*

The research is devoted to some contemporary issues of sociological analysis of the status of religious commitment of the population. One of the problems considered is that in such research philosophical methodology may not be sufficiently applied. The author focuses on the concepts of "people's" Islam and mass religious consciousness, both having a philosophical content. An attempt is made to attract the attention of sociologists to a specifically philosophical understanding of mass consciousness. The author shares his experience of applying the philosophical method of ascent from the abstract to the concrete in the practice of sociological research of religiosity in the republics of Dagestan, Chechnya, and Kabardino-Balkaria and concludes that the use of this method contributes to a more specific, complete and systematic study of the characteristics of religion. In particular, such approach helps to identify the indicators of extremity in Islamic consciousness. The author believes that the absence of generally accepted criteria of religious commitment leads to different assessments the religious factor role in the contemporary Russian society and is associated with a lack of critical attitude to positivism in sociology.

Keywords: *philosophy, sociology, mass religious consciousness, "people's" Islam, the ascent from the abstract to the concrete, "fundamentalism", "modernism", extremity of consciousness.*

---

### **К постановке вопроса**

Современные сложные религиозные процессы, в т. ч. и массовые негативные, ставят перед исследователями вопросы, которые невозможно решить без философской методологии. Один из них – изучение состояния религиозности населения. Это задача в основном социологов. Только на первый взгляд она кажется простой: необходимо провести соответствующий социологический опрос и получим необходимые результаты. В действительности все обстоит иначе. И главный вопрос, на который социологи до сих пор не ответили, заключается в том, что нет общепризнанных критериев религиозности. Это хорошо заметно по тому, как активно исследователи обсуждают этот вопрос [5, 7–11]. Случается, что даже коммунизм называют религией без всяких оговорок. Некоторые эксперты [10] полагают, что социологи тут ни при чём, т. к. в самой религии, в частности в исламе, различные группы имеют особые критерии религиозности. В действительности, социолог должен определиться с той или иной философской методологией анализа социальных явлений и только на этой основе составлять программу исследования, анкету социологического опроса, делать интерпретации эмпирических данных, выводы. Не факты судят теорию, а теория определяет, какие именно факты войдут в осмысленный опыт (Т. Кун). Социолог несет ответственность за выбор философской методологии, соответственно и за критерии достоверности полученных результатов.

В научном плане вопрос об интерпретации данных социологических опросов не может быть решен только методами социологии. Позитивистский подход к этому вопросу является одной из причин неудач при определении социологических критериев религиозности населения. Точка зрения основателя социологической науки

О. Конта, который не признавал философию как науку, а также известного русско-американского социолога П. Сорокина, утверждавшего, что социология «должна прекратить “философствование”» [13, с. 52], оказалась очень распространенной. Позитивистский подход О. Конта, П. Сорокина и их последователей к социологическим исследованиям был несостоятельным. Тенденция к «философствованию» в анализе социальных явлений была всегда и сохраняется по сегодняшний день [6, с. 17].

Современные исследователи используют понятия: массовое сознание, массовое религиозное сознание, «народный» ислам. Немаловажным условием полноценного социологического исследования является использование системного подхода. Во вводной части современных научных исследований, особенно диссертационного характера, часто пишут о том, что автор применил системный подход. В действительности, в лучшем случае имеет место применение комплексного подхода. Именно философия впервые заговорила о системном подходе (Г. Гегель), и впервые К. Маркс применил его в известном труде «Капитал». В основе системного подхода лежит философский метод восхождения от абстрактного к конкретному. Данный метод и понятия *массовое сознание*, *массовое религиозное сознание*, *«народный» ислам* заслуживают внимания исследователей состояния религиозности населения.

### **Массовое религиозное сознание**

В философском плане при изучении религиозного сознания важно выявить его противоположности, установить их взаимообусловленность, диалектическое единство. Исторически сложилось, что главным в этом процессе было противопоставление религиозного сознания атеистическому. В практике современных социологических исследований продолжается эта традиция: среди населения выделяется группа верующих и исследуются её характеристики. Такое противопоставление категорично. Оно рационально выявляется при использовании понятия *массовое религиозное сознание*.

Главный недостаток в социологическом использовании понятия *массовое религиозное сознание* заключается в том, что оно не соответствует современным философским представлениям о его природе. Во-первых, само массовое сознание не сводится исключительно к сознанию какой-либо отдельной классической социальной группы. В частности, исламское массовое сознание – это не просто религиозное сознание рядовых мусульман, это сознание тех, кто колеблется, затрудняется с ответом на вопрос о вере, и даже атеистов, которые используют религиозные ценности для решения своих социальных, общественных, семейных, личных вопросов. Почти всё этническое мусульманское население Республики Дагестан независимо от отношения к вере отмечает Ураза-Байрам (Ид-аль-Фитр), Курбан-Байрам (Ид-аль-адха), раздает садака, строго исполняет мусульманский похоронный ритуал.

Массовое религиозное сознание есть качественно новое образование, суть которого – однородность сознания различных классических социальных групп. Оно есть сознание ситуационно возникающей социальной общности. Социальная мотивированность означает важность не взаимоотношений «человек – Бог», а «человек – человек», «человек – общество». Носители данной формы сознания, в отличие от представителей «классических» социальных групп, как правило, не имеют группового самосознания. То есть масса не обязательно есть совокупность людей, объединяющихся ради реализации определенных общих интересов и целей. При этом

религиозные ценности не обязательно должны проявлять себя как сакральные. Тем не менее, они не перестают быть религиозными ценностями, не перестают влиять на социальное поведение человека. Социология, в отличие от философии, изучает именно эту сторону религии: как она влияет на социальное поведение человека.

В философском плане процессы массовизации религиозного сознания, образования религиозных масс целесообразно рассматривать во взаимоотношениях категорий прерывного и непрерывного. Хотя классические социальные группы существуют объективно, в гносеологическом плане понятие *социальная группа* есть абстракция, в известном смысле упрощение. Смысл этого упрощения заключается и в том, что абстракция навязывает исследователю мысль о составленности общественного бытия исключительно из классических социальных групп, тогда как межгрупповые и внутригрупповые образования, характеризующие непрерывность общественного сознания и бытия, реально существовали и существуют. Массовое религиозное сознание по-своему заполняет социальные ниши между группами, создает определенный баланс прерывного и непрерывного в осмыслении религиозного социального пространства.

### **«Народный» ислам**

Исторически сложилось так, что «народный» ислам, как об этом говорил более 100 лет назад И. Гольдциер, есть оболочка, внутри которой сохраняются «ущелешшие остатки побежденных религий» [2, с. 65]. В Республике Дагестан сохранились традиции языческих верований: ношение амулетов, лечение с помощью магических процедур, поклонение природным явлениям и др. Не следует отождествлять массовое религиозное сознание с сознанием носителей «народного» ислама. «Народный» ислам не есть проявление массового религиозного сознания, так как в данном случае имеет место характеристика исключительно одной социальной группы – верующих. «Народный» ислам в социологическом плане целесообразно рассматривать как состояние сознания рядовых мусульман и связанного с ним их социального поведения. Они имеют в своем содержании не свойственные требованиям «нормативного» ислама ценностные установки и их практические реализации. Эти составляющие не обязательно должны быть представлены как реликты языческих верований, этнокультурных традиций, как это понимается, например, историками религий, этнографами. Их содержание, обусловленное радикальными изменениями в общественной жизни, намного шире. Глобализационные процессы, необходимость адаптации к новым условиям ставят перед мусульманином сложные вопросы, ответов на которые современный нормативный ислам не дает. В «народном» исламе в социологическом измерении мы преимущественно наблюдаем не ислам, переработавший время, а ислам, переработанный временем. Время привносит в сознание несанкционированные исламскими институтами ценности. Тем не менее, рядовые представители «народного» ислама считают, что эти ценности имеют исламский характер. Это есть внеинституциональная религиозность, которая должна вносить существенные поправки в разработку критериев религиозности в исламе.

### **Философский метод восхождения от абстрактного к конкретному в контексте анализа проблем экстремизма**

В статье «Методологические аспекты социологических исследований ислама», опубликованной в журнале «Исламоведение» [16], дана критика социологических

исследований ислама в Дагестане. К сожалению, немало замечаний авторов носят «книжный» характер, часть из них вызывает недоумение, т. к. могут быть обращены к любому исследователю: историку, археологу, философу и др. Например, быть «морально ответственным». Социологу дается совет учитывать способности респондента, его «готовность дать достоверный и устойчивый ответ» [16, с. 7]. Эти предостережения, рекомендации нетрудно найти во множестве методик проведения социологических опросов. Плохо и то, что критика авторов безадресная: неизвестно, из какого конкретно исследования взяты те или иные вопросы анкеты, показатели. Кому конкретно они адресованы? Авторы обсуждают отдельные вопросы анкет безотносительно к программе социологического исследования, которая, как правило, остается за пределами текста изложения результатов. Желательно, чтобы авторы дали позитивный пример проведения социологического анализа ислама в Дагестане. Это решит массу проблем не только научного, но и практического характера.

Одно из критических замечаний авторов касается того, что часто авторы, дают «...бездоказательные комментарии к конкретным данным. К примеру, выводы, что к ваххабизму, по опросам населения РД, склонна довольно большая часть населения, т. е. более 50 % респондентов» [16, с. 6]. Это замечание я могу отнести и к себе, т. к. эти «более 50 %» в данном аспекте неоднократно фигурировали в результатах моих социологических опросов разных лет. Правда, речь в них шла не о ваххабитах, а об исламских «фундаменталистах». Между ними различия достаточно значимые, особенно если учесть, что речь в моих текстах идет не столько о фундаменталистах, сколько о «фундаменталистах», о чем подробно речь пойдет далее. Ответ на замечание, на мой взгляд, имеет философский подтекст, который приобретает самостоятельное значение как для социологического, так и для всякого другого научного исследования. Речь идет о философском методе восхождения от абстрактного к конкретному.

В исследованиях религиозного экстремизма и терроризма важно определение масштабов этого явления в регионе, да и в России в целом. Основных методов здесь два: а) официальная статистика экстремизма и терроризма; б) социологические опросы. В последнем случае социолог не выявляет показатели экстремизма и терроризма. Речь идет не о реальных поступках отдельных людей, а о состоянии их сознания. Дело в том, что никакой опрос не может выявить экстремизм, так как по закону речь идет об определенных действиях, которые классифицируются как экстремизм: «насильственное изменение...», «публичное оправдание...», «возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни» и др.<sup>3</sup> Анкета социологического опроса не дает ответов на эти вопросы. Результаты опроса – это модель вербального, а не реального поведения. Человек не может быть обвинен и наказан как экстремист за то, о чем он думает. Ввиду этого автор пользуется понятием *экстремальность*, а не *экстремизм*, имея в виду факты сознания, а не реальные действия, подпадающие под статью закона.

Экстремальность сознания – это крайность, но она способна иметь нежелательное, с точки зрения интересов государства и общества, развитие в направлении экстремизма, терроризма. Экстремальное сознание – это основа экстремистского и террористического поведения. Для выявления этой экстремальности также есть два способа:

1) формально-логический, когда мы пытаемся сопоставлять вербальные позиции респондента с требованиями закона, например, «Закона РФ о противодействии экстремистской деятельности» (2002 г.). Определение экстремизма в этом законе

---

<sup>3</sup> См.: Закон РФ «О противодействии экстремистской деятельности» // [www.docs.ru/document/90183502](http://www.docs.ru/document/90183502) (дата обращения: 20.01.2016).

неоднократно критиковалось экспертами. Оно носит не только формальный, но и эмпирический характер (указание на отдельные действия, не выявляя сути явления в обобщенной форме);

2) способ социологического опроса. Выявить экстремальность одним вопросом анкеты невозможно. Элементарное скопление ответов на множество вопросов, не имеющих обобщающего стержня, бесполезно и крайне эмпирично. Переход от такого рода данных к общему понятию затруднен. И тогда социологу реальную помощь может оказать метод восхождения.

В ходе разработки программы исследования, в попытках применить философский метод восхождения от абстрактного к конкретному для анализа социологической проблемы необходимо решение «проблемы начала». В труде «К критике политической экономии» (во введении) К. Маркс, рассматривая проблему начала, приходит к выводу, что в начале исследования любой развивающейся целостности необходимо выявить «всеобщие абстрактные определения». Задача поиска первоначального абстрактного определения непростая. Встает вопрос об охвате предмета в целом и об исходном пункте этого охвата. Начало должно быть рассмотрено как такой пункт, «к которому сходятся все проблемы, от которого зависит все понимание предмета» [4, с. 51]. Исследование органического целого надо начинать с его исторически возникающей «клеточки». «Чтобы узнать, с чего началась история, надо знать, история чего началась с этого» [4, с. 52].

О проблеме «начала» в религиозном экстремизме и терроризме на Северном Кавказе, в т. ч. и в Дагестане, без претензий на философскую рефлексию высказывались самые разные предположения и утверждения. З.С. Арухов в личной беседе с автором текста говорил, что причиной распространения религиозного экстремизма в Дагестане был исламизм, исламские лидеры и политики винят во всем ваххабитов, востоковеды и продвинутые научные эксперты считают, что все началось с проникновения в регион салафизма, исламского фундаментализма. Причины искали в экономической сфере, в социальных протестных настроениях, в зарубежном экстремистском влиянии и т. п. В то же время «начало» должно быть абстрактным выражением элементарной клеточки изучаемого явления.

Перечисленные явления не могут служить «началом» по той причине, что они не абстрактные, а развитые в реальном и понятийном смысле факторы экстремизма и терроризма. Поэтому было взято определение исламского экстремизма и радикализма как явлений, отрицающих адаптацию мусульман к современной светской жизни. Именно это качество объединяет многочисленные экстремистские, радикальные группы исламской уммы. Оно абстрактно, т. к. ничего не говорит о конкретных характеристиках этих групп. Отрицание каких-либо изменений в исламском социальном поведении, отрицание исламских усилий по ассимиляции новшеств общественной жизни – это начало, к которому сходятся в конечном итоге все проблемы экстремального в сознании современного мусульманина. Здесь речь не идет конкретно о салафизме, ваххабизме, исламизме, суфизме, об общепринятом понимании фундаментализма или каком-то отдельном исламском течении. Неспособность к адаптации не является исключительным качеством салафитского сознания, её может проявить любая религиозная группа в исламе, в т. ч. и представители суфизма. Известный исламский радикал Багаутдин Кебедов называл себя шафитом, а не ханбалитом, тем более – ваххабитом.

На вопрос об отношении респондента к исламской адаптации в социологических опросах разных лет мы неизменно получали ответы, условно разделявшие выборку на две группы респондентов – «фундаменталистов» и

«модернистов». «Фундаментализм» в данном специфическом случае определяет ту составляющую сознания мусульманина, которая отрицает необходимость адаптации исламской религии к изменяющимся условиям современной жизни.

«Основной вопрос» исламского фундаментализма был сформулирован следующим образом: Как Вы считаете:

– мусульманская религия должна быть такой, какой была при пророке Мухаммаде и праведных предках?

– мусульманская религия должна меняться, так как меняется жизнь?

Варианты ответов:

– затрудняюсь ответить;

– что другое (напишите).

Ответы на данный вопрос, названный автором «основным вопросом фундаментализма», есть предварительное распределение респондентов на две большие группы (не учитывая группы «затруднившихся ответить») гипотетических «фундаменталистов» и «модернистов».

«Фундаменталистов» по данным многочисленных соцопросов всегда оказывалось более 50 % выборки. Так, по опросам автора в РД, Кабардино-Балкарии, Чеченской Республике<sup>4</sup> массовое религиозное сознание имеет достаточно высокий уровень «фундаменталистского» содержания («фундаменталисты» – 61,2 %, «модернисты» – 23,7 %). Это обусловлено абстрактностью «начала» в философском анализе фундаменталистского сознания. Было бы ошибочным полагать, что наличие данной группы «фундаменталистов», считающей нежелательным вносить изменения в исламские нормы, является свидетельством экстремизма на Северном Кавказе.

После выделения условных «фундаменталистов» и «модернистов» по самому абстрактному, отвлеченному их определению необходим процесс постепенного восхождения к конкретному. В этих целях социолог «сталкивает» группы «фундаменталистов» и «модернистов» с множеством других вопросов анкеты, «выбивая» новые ответы на вопрос об их содержании, их определения. Смысл этой процедуры связан с различиями в характере формально-логических и философских, содержательных определений понятий. Речь идет о понятиях формально *общее* и *конкретно общее*. В первом случае имеет место жесткая фиксация устойчивых, необходимых, существенных свойств явлений, определенное ограничение разнообразия, информационного содержания. Во втором случае такого ограничения нет: каждое «сталкивание» абстрактного понятия – «начала» с другими обогащает его содержание. В формально общем изначально определено его содержание, и в ходе дедуктивного изложения оно разворачивается. Но попытки дать формальное определение предмета, которое охватило бы все его аспекты, кончаются либо расшифровкой термина, обозначающего предмет в целом, либо перечислением вопросов, которые охватывает называемая этим термином наука [4, с. 50].

Восхождение от абстрактного к конкретному открывает путь к новым мыслительным операциям. В нашем случае это есть возможность выявления позиций «фундаменталистов» к современной исламской жизни. Это путь формирования конкретно общего в вопросах определения характеристик носителя религиозного экстремального сознания.

В ходе конкретизации характеристик групп «фундаменталистов» и «модернистов» методом восхождения им задавались вопросы, касающиеся следующих проблем:

1) отношение к суфийскому, официальному исламу в Дагестане;

---

<sup>4</sup> Опрос проведен в 2011 г. в РД, КБР, ЧР. 1010 респондентов.

- 2) отношение верующих к святым местам (зияратам, пирам);
- 3) отношение верующих к нормам шариата и законам государства;
- 4) влияние религиозных норм на правовое поведение верующих;
- 5) оценка верующими отдельных позиций радикальных салафитов (ваххабитов) в вопросах исламской веры;
- 6) отношение к Закону «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности в РД»;
- 7) отношение к деятельности ИГИЛ<sup>5</sup> и др.

Опросы показали, что индикаторы экстремальности религиозного сознания «фундаменталистов» по ответам на эти и другие вопросы достаточно сильно изменялись. В отношении приведенных выше показателей «фундаментализма» и «модернизма» в РД, ЧР, КБР они выразились в том, что в общей выборке из числа «фундаменталистов» лишь часть – 75,6 % высказались за запрет ваххабизма на всей территории России. Среди «фундаменталистов» КБР 82,6 % говорят о необходимости правового запрета ваххабизма на территории РФ, в ЧР этот показатель равен 71,2 %. Среди «фундаменталистов» ЧР (86,7 % выборки) о возможном неповиновении закону по религиозным причинам говорят 75,8 % («модернисты» – 71,4 %). В РД эти показатели соответственно равны 52,1, 68,8 и 52,0 %, в КБР – 52,8, 60,3 и 29,1 %. То есть в ответах на вопрос о неповиновении государству по религиозным причинам число «фундаменталистов» снижается: в Чечне от 86,7 до 65,7 %, в РД – от 52,1 до 35,8 %, в КБР – от 52,8 до 31,8 %. Такая тенденция имеет место в группе «фундаменталистов» и по другим частным критериям экстремальности религиозного сознания.

Применение метода восхождения от абстрактного к конкретному при определении экстремальности религиозного сознания в Северо-Кавказских республиках позволяет сделать определенные выводы. Во-первых, объективность выделения групп «фундаменталистов» и «модернистов» по ответам на основной вопрос «фундаментализма» подтверждается конкретизацией характеристик этих групп в процессе восхождения от абстрактного к конкретному. В процессе восхождения выявляется сложная противоречивая конфигурация как «фундаментализма», так и «модернизма» в массовом религиозном сознании. Эти две группы являются реальными составляющими в структуре северокавказского исламского сознания. Во-вторых, становится очевидным наличие жесткого ядра радикальных религиозных составляющих сознания у части мусульманского населения региона. Несмотря на то, что «фундаменталисты» и «модернисты» в своем вербальном поведении частично отходят от первоначально высоких показателей «фундаменталистских» и «модернистских» позиций, определенных ответами на основной вопрос «фундаментализма», несмотря на противоречивый характер их конфессиональных портретов, мы можем говорить о достаточно высоком уровне экстремальности исламского сознания населения исследованных республик. Так, из числа «фундаменталистов» Чеченской Республики (86,7 % опрошенных) 5,5 % считают, что нет необходимости запрета ваххабизма на территории РФ («модернисты» – 0,0 %), 23,8 % «фундаменталистов» из РД, ЧР, КБР считают, что для стабильности в регионе надо отойти от светских законов, установить нормы шариата. 58,1 % из числа «фундаменталистов» молодежи РД считает, что «нормы шариата выше законов государства» («модернисты» – 26,9 %). 31,7 % из той же группы

---

<sup>5</sup> Террористическая организация, запрещенная в РФ.

молодежи говорит о возможном неповиновении государству по религиозным причинам («модернисты» – 13,9 %)⁶.

В то же время необходимо еще раз подчеркнуть, что показатели «фундаментализма», развернутые методом восхождения от абстрактного начала к конкретным содержательным определениям, ни в коей мере не говорят об однозначно экстремистском социальном поведении респондентов. Таковыми они могут стать при определенном развитии религиозного сознания в кризисных социально-экономических, социально-политических условиях, в условиях, где затребована та или иная форма религиозно-социального протеста. Как показывает статистика экстремизма и терроризма последних лет, экстремальность «фундаменталистского» начала имеет такую нежелательную тенденцию своего развития. Объективные показатели экстремизма и терроризма в РФ в целом и в отдельных ее регионах показывают значимую корреляцию между результатами проведенных исследований «фундаментализма» и реальным поведением мусульман. Во-первых, по данным Министерства обороны РФ, в ходе операций в Сирии было ликвидировано 4 500 боевиков из России и стран СНГ [5, с. 11]. Глава ФСБ Александр Бортников заявил, что в Сирии, только по подтвержденным данным, на стороне ИГИЛ⁷ и других отрядов воюет свыше 4 тысяч дагестанцев [1]. Этнолог А.А. Ярлыкапов считает, что таких в Сирии не меньше 5 тысяч [14].

Из всех опубликованных в «Российской газете» списков экстремистов за 2013–2016 гг., составленных Росфинмониторингом, автор проанализировал наиболее значимые по исламской активности пять субъектов РФ: РД, Чеченская Республика, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Татарстан. Бросается в глаза значительное превышение числа вошедших в Перечень от Дагестана – 32,6 %, почти треть от российского списка (ЧР – 8,7 %; КБР – 5,4 %; Республика Ингушетия – 1,4 %; Республика Татарстан – 1,1 %)⁸. В Послании (отчете) Народному Собранию РД в феврале 2016 г. Глава РД Р.Г. Абдулатипов сказал, что «80 % террористических актов, совершенных на территории России, произошло в нашей республике»⁹ (февраль 2016 г.). Статистика проявлений экстремизма после 2016 года показывает, что активность дагестанских экстремистов не снижается. Но она изменила формы своего проявления. Так, по данным Росфинмониторинга, в одном из списков причастных к экстремистской деятельности и терроризму, опубликованном в конце 2018 года, дагестанцев оказалось 24,1 %.<sup>10</sup> В списке, опубликованном в начале 2019 года, их было уже 38,3 %.<sup>11</sup> В этих списках даны конкретные фамилии, имена, отчества, места жительства, возраст тех, кто по решению суда признан экстремистом. И никакого преувеличения числа экстремистов по желанию недобросовестных социологов здесь нет.

В связи с опросами социологов обратим внимание на еще одно обстоятельство, имеющее теоретический характер. Оно проливает свет на связь данных социологии и реальных религиозных процессов. Речь идет о так называемой Теореме Томаса.

---

⁶ Опрос 2010 года.

⁷ Террористическая организация, запрещенная в РФ.

⁸ Перечень дополнен // [Российская газета](#). – 15 нояб. 2013 г.; 15 янв. 2014 г.; 27 апр. 2015 г.; 20 июля 2015 г.; 21 авг. 2015 г.; 14 сент. 2015 г.; 19 окт. 2015 г.; 17 нояб. 2015 г.; 14 марта 2016 г.; 6 апр. 2016 г.; 18 мая 2016 г.; 14 окт. 2016 г.

⁹ Послание (отчет) Главы Республики Дагестан Р.Г. Абдулатипова Народному Собранию Республики Дагестан // [Дагестанская правда](#). – 2 февр. 2016 г.

¹⁰ Перечень дополнен // [Российская газета](#). – 19 сент. 2018 г.

¹¹ Перечень дополнен // [Российская газета](#). – 11 янв. 2019 г.

Теорема была сформулирована в начале XX века У. Томасом и Ф. Знанецким, написавшим классическую работу «Польский крестьянин в Европе и Америке». Они зафиксировали: «Если люди определяют ситуации как реальные, то они и являются реальными по своим последствиям» [3, с. 23; 15, с. 17]. Следуя логике этой «теоремы», можно утверждать: если человек считает себя верующим, то и в мировоззрении, и в реальном поведении данная самоидентификация будет иметь свои последствия. Если мусульманин считает, что ислам не должен соответствовать времени, свое поведение он будет строить в увязке с представлениями, что весь остальной мир должен соответствовать исламским нормам.

### **Заключение**

Главный недостаток современных исследований состояния религиозности в России, в т. ч. в Дагестане, заключается в их крайней эмпиричности. Этим исследованиям требуется основательная теоретическая база. Она имеет не только чисто социологическое содержание, которое связано с уточнением социологических понятий, разработкой специфически социологических методик. Эмпирическому социологическому исследованию в ходе интерпретации данных опросов, в их теоретическом осмыслении необходимо использовать философскую методологию. В России потеряны традиции отрицательного отношения к позитивизму вообще, к позитивизму в социологии в частности, которое имело место в советский период нашей истории. Эти традиции желательно восстановить. Социолог не может, игнорируя философскую всеобщность характеристик социальных явлений, философскую методологию, объективно описывать закономерности локального характера. Опыт использования философских подходов в практике социологических исследований показывает, что философия может оказать социологу неоценимую помощь как в вопросах выбора основных понятий, так и в реализации в контексте такого исследования ее методологических возможностей.

В социологических исследованиях состояния религиозности социолог должен четко следовать исходным положениям анализа данных, которые определены той или иной философской концепцией природы религиозного сознания. Современная философия плюралистична, многозначна. Социолог ответственен за выбор философской концепции анализа религиозности, и этот выбор должен быть научно обоснован.

Проблема современных социологических исследований религиозности связана и с характером современного философского образования, которое делает акцент на истории философии.

### **Литература**

1. *Алиев Ш.* Размен позиций // Черновик. – 21.10.2016.
2. *Гольдциэр И.* Культ святых в исламе. – М.: Гос. антирел. изд-во, 1938. – 180 с.
3. *Дробижева Л.М.* Методологические проблемы этносоциологических исследований // Научный Татарстан. – 2011. – № 2.
4. *Зиновьев А.А.* Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» К. Маркса). – М., 2002. – 321 с.
5. *Каарийнен К., Фурман Д.* Старые церкви, новые верующие: религия в массовом сознании постсоветской России. – СПб.; М., 2000. – 248 с.

6. Костюк В.Г., Попков Ю.В., Абрамова В.А. Сущность социокультурного подхода // Социокультурный подход к регулированию межэтнических взаимоотношений. – Новосибирск, 2013. – 272 с.
7. Налетова И.В. «Новые православные» в России: тип или стереотип религиозности // *Социологические исследования*. – 2004. – № 5.
8. Прозоров С.М. Новый методологический подход к изучению ислама в России // *Ислам как идеологическая система*. – М., 2004.
9. Прозоров С.М. Ислам единый, ислам региональный // *Ислам и проблемы межкультурных взаимодействий*. – М., 1994.
10. Рыжов Ю. Социологи не виноваты: критерии религиозности не выработаны до сих пор // *Независимая газета*. – 02.04.2003.
11. Синелина Ю.Ю. О критериях определения религиозности населения // *Социологические исследования*. – 2001. – № 7.
12. Сокирянская Е.Л. Можно ли предотвратить новые волны радикализации на Северном Кавказе? – М., 2019. – 74 с.
13. Сорокин П.А. Система социологии. – М., 1993. – Т. 1.
14. Тлисова Ф. Эксперты: «репрессивная» политика Кремля толкает тысячи людей в ряды ИГИЛ.//WWW. Golos-ameriki.ru/a/russia-isis-dagestan/3238957.html. (дата обращения: 23.10.2016).
15. Федотова В.Г. Теорема Томаса китайской модернизации // *Вопросы философии*. – 2012. – № 6.
16. Яхьяев М.Я., Байсаидова Г.Б. Методологические аспекты социологических исследований ислама // *Исламоведение*. – 2012. – № 4.

#### References

1. Aliev Sh.A. Positions Exchange. *The Draft*. 21.10.2016. (in Russian)
2. Goldziher I. *The Cult of Saints in Islam*. Moscow, State antirel. ed., 1938. 180 pp. (in Russian)
3. Drobizheva L.M. Methodological Problems of Ethnosociological Research. *Scientific Tatarstan*. 2011, № 2. (in Russian).
4. Zinoviev A.A. *Ascent from the Abstract to the Concrete (based on "Capital" by K. Marx)*. Moscow, 2002. 321 pp. (in Russian)
5. Kaariainen K., Furman D. *Old Churches, New Believers: Religion in the Mass Consciousness of Post-Soviet Russia*. Saint-Petersburg; Moscow, 2000. 248 pp. (in Russian)
6. Kostyuk V.G., Popkov Yu.V., Abramova V.A. The Essence of the Socio-Cultural Approach. *Socio-Cultural Approach to the Regulation of Interethnic Relations*. Novosibirsk. 2013. 272 pp. (in Russian)
7. Naletova I.V. The New Orthodox in Russia: a Type or a Stereotype of Religious Commitment. *Sociological Research*, no 5. 2004. (in Russian)
8. Prozorov S.M. A New Methodological Approach to the Study of Islam in Russia. *Islam as an Ideological System*. Moscow, 2004. (in Russian)
9. Prozorov S.M. Islam United, Islam Regional. *Islam and the Issues of Intercivilizational Interactions*. Moscow, 1994. (in Russian)
10. Ryzhov Ju. Sociologists are Not to Blame: the Criteria of Religion Have Not Been Worked Out Yet. *Nezavisimaya Gazeta*. 02.04.2003 (in Russian)
11. Sinelina Yu.Yu. On the Criteria of Determining the Religious Commitment of the Population. *Sociological Research*, № 7. 2004. (in Russian)
12. Sokiryanskaya E.L. *Is it Possible to Prevent New Waves of Radicalization in the North Casusu?* Moscow, 2019. 74 pp. (in Russian)
13. Sorokin P.A. *The System of Sociology*. Moscow, 1993. Vol. 1. (in Russian)

14. Tlisova F. *Experts: "The Repressive" Policy of the Kremlin Pushes Thousands of People into the Ranks of ISIS*. URL: [www. Golos-ameriki.ru/a/russia-isis-dagestan/3238957.html](http://www.Golos-ameriki.ru/a/russia-isis-dagestan/3238957.html). (reference date: 23.10.2016). (in Russian)

15. Fedotova V.G. Thomas Theorem of Chinese Modernization. *Questions of Philosophy*. 2012, № 6. (in Russian)

16. Yakhyaev M.J., Baisaidova H.B. Methodological Aspects of the Sociological Study of Islam. *Islamovedenie*. 2012, № 4. (in Russian)